

то горело и нам хорошо была видна линия горизонта и небольшой бугор, на нем стояла большая копна сена или соломы. Меня и еще одного солдата послали к соломе в разведку. Мы осторожно подошли в темноте к копне справа, проползли немного вперед и стали наблюдать. Лежали мы рядом, я чуть правее, а мой напарник – чуть левее. Пролежали мы полчаса, и вдруг мне пришла в голову мысль: место удобное для наблюдения, но и для немцев оно тоже было бы удобно, может и они пошлют сюда разведку, и она тоже зайдет справа от копны. Я поделился этой мыслью с напарником и предложил зайти слева от копны. Мы поднялись и обошли копну слева. Теперь напарник шел впереди, а я за ним. Винтовки держали наизготовку, патроны в канале ствола. Шли осторожно, и все-таки встреча с немцем была такая неожиданная, что напарник прямо уткнулся винтовкой в живот немцу, двигавшемуся нам навстречу. Я услышал глухой выстрел и почувствовал, как отпрянул товарищ. «Я немца убил» – прошептал он. Мы ощупали немца и поняли, почему тот не выстрелил первым: винтовку он держал в одной руке, а в другой фаустпатрон, это его и погубило. Немец еще был жив и мы решили оттащить его к командиру батальона, как «языка».

Так, от села к селу, мы продвигались с боями по лесистой местности в направлении Винер Нойштадта. Было начало апреля. 11-го числа у очередного села в лесу снова штурмуем немецкие окопы. Несколько раз бросаемся вперед и откатываемся назад, не добежав до окопов. В одну из атак в кутерьме боя увидел справа от себя солдата, раненного в голову. Он стоял на коленях, покачиваясь, держась окровавленными руками за голову, все лицо у него было в крови. Это был рослый бывалый солдат лет 45-ти, мы все звали его «дядя Петя». Схватил его за шинель и потащил вниз, к овражку, из которого только что